

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44
К13

Издательство выражает благодарность Шведскому совету по культуре (www.kulturradet.se) за финансовую поддержку перевода этой книги

Макет и обложка — Александр Васин (Groza.design)

Кадефорс, Сара.

К13 Сандор/Ида : [роман : 18+ / Сара Кадефорс ; пер. со швед. А. Наумовой; макет и обл. А. Васин (Groza.design)]. — М. : КомпасГид, 2020. — 280 с. — (YA).
ISBN 978-5-00083-634-7

Ида — настоящая красавица, завсегда с вечерами и звезда школы. Сандор после уроков спешит к балетному станку, а его единственный друг — ботан, каких поискать.

Сандор всю жизнь провёл в тихом провинциальном Гётеборге. Ида живёт в светлом, никогда не спящем Стокгольме.

Ида меняет парней без тени сомнения. Сандор влюблён в девушку из балетного класса, с которой, кажется, ни разу даже не разговаривал.

Они знакомятся в чате и с лёту находят общий язык. У них всё-таки много общего: им по пятнадцать, они не уверены в себе, сомневаются в будущем, у них сложные отношения с родными. Чем дольше Ида и Сандор переписываются, тем отчетливее видят друг друга. И однажды юноша приезжает к девушке в Стокгольм...

Роман шведской писательницы Сары Кадефорс (родилась в 1965 году) «Сандор/Ида» был удостоен Августовской премии, которую в разные годы получали Свен Нурдквист, Ульф Старк и Тумас Транстрёммер. В 2005 году в Швеции вышла экранизация этой популярной книги.

Серия «YA» (young adults) объединяет книги, которые могли быть написаны только в наши дни, — острые, дерзкие, злободневные романы-вызовы для читателей от 16 и старше. Оформил серию известный дизайнер, сооснователь фестиваля Turomania Александр Васин.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as Sandor slash Ida by Sara Kadefors

© Sara Kadefors, 2001

First published by Bonnier Carlsen Bokförlag, Stockholm, Sweden

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.

ООО «Издательский дом КомпасГид», 2020

ISBN 978-5-00083-634-7

Опять то же самое: паскудное ощущение, как всегда, когда едешь в центр. Из универмага Іса, прихрамывая, вышла старушенция с двумя набитыми бумажными пакетами и медленно — того и гляди помрет — потащилась к парковке. И ни единой живой души ни у киоска, ни у библиотеки. Класс...

На остановке чахоточно трясся автобус, выхаркивая выхлопные газы в ноябрьский воздух, и без того серый. Он прибавил шагу. Случалось, автобус уезжал раньше положенного. Несколько раз ему приходилось бежать, чтобы успеть вскочить в него. У дебильного водителя точно с головой не в порядке. Сам он никогда не кричал и средний палец шоферу не показывал — нет, Сандор Фаркас не из тех, кто пинает автобусную дверь с криками: «Да пошел ты...» Он из тех, кто только мечтает так сделать. Из тех, кто тащится домой, повесив голову, потому что не торчат же тут сорок минут до следующего автобуса. А дома еще четверть часа сидит на кухне, уставившись в столешницу, пока не встанет и не двинет снова на остановку.

Сегодня Сандор пришел на несколько минут раньше, и автобус еще не уехал. Когда он вытаскивал проездной, водитель наградил его кислым, почти укоризненным взглядом. Как будто Сандор виноват, что пришел вовремя. Его прямо распирало спросить: «Что-то не так?» Так просто, мимоходом. Но он только послушно показал месячный билет и сел на свое место.

Его место — он всегда садился на одно и то же. Пятый ряд, справа — другое не предлагать. Откуда это? Точно старый дед, который, проехав тридцать лет на одну и ту же работу, спятит, если протертое его костлявой задницей сиденье в один прекрасный день окажется занятым. Ну что, мир возьмет и рухнет? Да, почти так и есть. Когда его место занято, Сандору не по себе. Прикиньте, если кто об этом узнает...

Кроме него пассажиров в автобусе было трое, все незнакомые, за пятьдесят, и почти все тетки. Впереди клевые полчаса. Сандор откинулся назад, закрыл глаза и ушел в себя. Вот закрылись двери, вот водила переключил скорость, и автобус начал потихоньку отъезжать от остановки...

— Э-э-э-э-э-э-э-э-э-эй!

Он открыл глаза. Блин! За автобусом бежали они.

— Старый урод! — орал Бабак.

— Ублюдок! — подхватил Валле.

Они задубасили по автобусу кулаками, не собираясь сдаваться. Сандор сразу же проникся сочувствием к водителю. Вот бы тот разозлился и врубил скорость, оставив этих козлов дышать выхлопами. Сандор безмолвно умолял водителя, сжимая кулаки: «Ну давай, жми! Еще разок! Газ в пол и пошел!» Но тот сбросил газ и медленно затормозил.

Двери открылись, в салон ввалились Бабак и Валле, красные и запыхавшиеся.

— В следующий раз не опаздывайте, — кисло проворчал водитель. Парни сперва отдышались.

— Какого вообще... Вы же сами... Ну это... — замычал Бабак.

— Вы же на три минуты раньше уехали! — добавил Валле. Водила смотрел на дорогу.

— На моих была половина.

— Урод старый, — вполголоса буркнул Бабак, роясь в кармане в поисках проездного. Валле ухмыльнулся.

Сандор надеялся, что водитель взорвется от злости, ударит по тормозам и заорет: «Вон из моего автобуса! Немедленно! Не то поеду прямо на Сконегатан и сдам вас полицейским!!!» Ага, как же.

Сандор почувствовал себя заложником в захваченном самолете. Теперь двери откроются не раньше чем через тридцать пять минут. Автострада до Гётеборга — это же целая вечность. Жди чего угодно.

///

— Блин, мне бы такую задницу, как у тебя!

Ида притворилась, будто не слышит. Она прибавила громкость и продолжала краситься, мурлыча себе под нос. Потом опять сделала потише — вдруг мама проснется. Вдруг Сюзанна с Терезой увидят, как она сегодня выглядит.

Сюзанна, сидевшая в кровати, не сводя с Иды глаз, горестно вздохнула.

— Черт, мне в такие брюки никогда не влезть. Не с моими жирами.

Выдавить из себя «нет, ты не жирная» Ида не смогла — сил больше не было. Повтори она эту фразу еще раз — и просто задохнется, слова застрянут в горле, как кляп. Может, Тереза скажет? Но Тереза наносила румяна и, похоже, не слушала. Щеки втянуты, веки поблескивали лиловым — с виду подружка напоминала чокнутую бабу. Что-то оттенок знакомый... Это тени Иды или сама купила? Но зачем, дура, брать такой же цвет, когда есть миллион других? Тереза схватила помаду Иды и без стеснения щедро ею намазалась.

Сюзанна таращила полные слез глазищи.

— Мне надо похудеть. Ида, какая ж ты красивая, охреть можно.

Тереза поджала губы — комплимент ей явно не понравился. Иду охватила паника. Она швырнула подводку для глаз в косметичку.

— Хватит.

— Ладно. Но ты вообще понимаешь, что ходить с тобой куда-нибудь не особо круто? Как ни выделывайся, ты всё равно красивее!

Можно подумать, она в этом виновата и может что-то с этим поделать. «Не особо я и красивая» говорить тоже не хотелось, хотя Ида знала, что придется. Как и «ты не жирная». Ох, а говорят, нельзя делать то, чего не хочется...

Она продолжала краситься, хотя всё уже было давно готово. Прошло десять секунд. Двадцать. Сорок. Все молчали. Слова Сюзанны повисли в воздухе. Иде казалось, что ее загнали в угол и окружили, взяли в плен в ее же собственной комнате.

— Какая же ты клевая! — опять не выдержала Сюзанна.

Зрачки за стеклами очков впивались в Иду до физической боли, а вот Тереза рассматривала подругу с притворным безразличием. На лбу выступил пот. Да, похоже, она тут и правда красивее всех.

— Да ладно, чего ты ноешь? Никакая я не красивая. Уж по-любому не красивее тебя.

Подружки выдохнули. Или это они от разочарования? Что было бы, скажи она: «Окей, я случайно уродилась красивее тебя, но придется смириться, если хочешь общаться со мной и дальше»?

Сюзанна поступила как обычно: притворно удивилась и вытаращила глаза, будто про «обе красивые» слышала не в десятитысячный раз.

— Ну да, конечно! Прикольная ты, Ида. Она прикольная, скажи, Тереза? Вот отмочила!

Ида наклонила голову, и волосы волной упали на лицо, а потом откинула их назад — и они, густые и пушистые, рассыпались по плечам на зависть подружкам. Взяв лак для волос, она задержала дыхание и стала брызгать, но не на волосы, а в основном в воздух. Точно травила насекомых или хотела глаза выжечь.

Подружки закашлялись и замахали руками.

— Ты чё, охренела? Прекрати!

— Спятила, что ли? Весь макияж мне испортишь!

Ида отложила в сторону пузырек с лаком и взглянула на себя в зеркало: она красивая, а это уже что-то. Пожалуй, хватит. Какой смысл менять что-то по мелочи?

Она встала, открыла окно, впустив в комнату свежий воздух, после чего повернулась к Сюзанне и улыбнулась.

— Кстати. Никакая ты не жирная. Фигня всё это.

Глотнув чего покрепче, Ида запила пивом. Отлично. Отпустило. Еще бы базар этот прекратить.

— Это я-то не жирная? Ты себе своим лаком совсем глаза выжгла?

Опять заладила! Ну ладно. Ида еще раз хлебнула из бутылки. На вкус дерьмо. И не удивительно, за такую-то цену. Она почувствовала, как по телу расползается приятное тепло. Даже Сюзанну приобнять хочется.

— Послушай меня, твою анорексичную подружку. Никакая ты не жирная!

///

Он съежился, как будто это превратило бы его в невидимку, прислонился головой к холодному стеклу и притворился спящим. Получилось не особо убедительно. Спать, когда под боком так орут? Но лучшего выхода Сандор не придумал.

Затаившись, он ждал, пока они пройдут мимо. Даже стал молиться, начав, как обычно: «Милый Боже, если ты есть, сделай так, чтобы...» И его мольбы — невероятно — были услышаны. Пахнуло табаком, затем сбоку прошуршала куртка, потом еще одна. Расслабился он не сразу, на всякий случай посидел еще минутку неподвижно. Когда автобус свернул на автостраду, Сандор улыбнулся — везет же иногда! Он уселся поудобнее и уже почти представил себе ее лицо, когда в шею ему подули. Сандор сделал вид, будто ничего не замечает. Но тут подули опять, прямо в ухо. Завоняло куревом. Сандор медленно и нехотя повернулся.

Они сидели сзади и ухмылялись. Бабак наклонил голову.

— Извини. Мы тебя разбудили?

— Чего-чего? Не-а... — ответил Сандор, хотя и знал, что спрашивают не всерьез.

— Может, ты замечтался? — хихикнул Валле.

— Может.

Сандор отвернулся, давая понять, что разговор закончен. Он пристально смотрел перед собой, очень надеясь, что они увидят, что ему плевать, и отвяжутся.

— И о чём же ты мечтал?

Сандор не ответил. Разговаривать с ними он не собирался. По телу растекалось отвратительное чувство, но в то же время Сандору было их жаль. По крайней мере, он убеждал себя в том, что они маленькие, неуверенные в себе существа, в них нет ничего опасного. Ведь как говорят? Кто травит других, сам всего боится. Придурки несчастные, вы-то о чём мечтаете? Что у вас в голове, кроме сигарет, снюса¹, футбола и телочек?

---

¹ Жевательный табак, который кладут под верхнюю губу. Очень популярен в скандинавских странах среди молодежи (*примеч. пер.*).

Они уселись прямо перед ним, развернулись и уставились на него. Из этих двоих Бабак хуже.

— Ну чё? Небось мечтаешь, как кого-нибудь трахнуть?

Валле зашелся смехом, как всегда пустым, почти истеричным. Сандор вдруг почувствовал усталость. От этой ситуации, которая вечно повторяется снова и снова, от самого себя. Интересно, если он не станет, как обычно, отворачиваться и мямлить себе под нос, а возьмет и ответит им что-нибудь — что тогда?

— В задницу трахнуть, да?

Валле опять заржал. Откуда-то взялась смелость — то ли оттого, что Валле так дергался, то ли помог Бог, которого всё равно нет, но Сандор, вопросительно посмотрев на Бабака, демонстративно вздохнул.

— Нет. Но сам ты, я вижу, мечтаешь, а?

Воцарилась тишина. Бабак и Валле удивились не меньше его самого. Оторопев, Бабак разинул рот.

— Чего-о?

Сандор решил до последнего строить из себя крутого, раз уж начал.

— Ничего.

Бабак пришел в себя.

— Ты чё, нарываешься?

Сейчас или никогда. Сандор решил не отступать ни на шаг. Бабак угрожающе уставился на него.

Валле перестал хихикать, и теперь слышался лишь гул двигателя. Всё вокруг исчезло, остались только глаза Бабака. Шли секунды. Сандор словно оказался в тумане и внезапно забыл, что происходит. Почему они здесь? Кто что сказал и зачем? В следующий миг ему пришло в голову: какие у Бабака красивые глаза — карие, с длинными густыми ресницами. И где в них злоба?

— Я спросил, ты чё, нарываешься?

Сандор стряхнул оцепенение. М-да, двое на одного в пустом автобусе. Прямо как в комиксах про медвежонка Бамсе. Вот сейчас Бамсе придет, защитит маленького оципанного цыпленочка и объяснит этим бугаям, что так с маленькими не поступают, что здесь можно играть всем, а иначе кому-то не поздоровится. Но самый сильный в мире медведь не пришел. И что он получит, если не сдастся? Уважение? Едва ли. Уважения так просто не добьешься.

Он отвел взгляд.

— Нет. Ладно, извини.

— Вот я так и подумал.

Ха. Ха. Ха.

///

Нет ничего лучше, чем закрыть глаза и, сцепившись руками, распевать что-нибудь хором. Вот как сейчас. И ничто их не остановит. Стоя в вагоне метро, они со всей дури орали песни. Ида знала, что все на нее поглядывают, и наслаждалась этим. Зануды! Что у них за жизнь? Разве они понимают, каково это — наплевать на приличия и все ваши нормы?! Сидят себе такие умные, бросая неодобрительные взгляды. Она даже представляла, что они думают: «Как из милых малышей вырастают ТАКИЕ, что с ними происходит? Интересно, родители знают? Тьфу, тьфу, тьфу, не дай бог мои дети тоже такими станут!»

Вагон затормозил, и Ида потеряла равновесие. Падая, она потянула за собой Терезу с Сюзанной, в итоге вся куча-мала оказалась на полу. От хохота они едва не лопнули. Да, может, они и трудные подростки — хуже некуда, зато им, в отличие от этих унылых дураков, по крайней мере весело!

Цепляясь друг за дружку, они кое-как поднялись. Поезд с грохотом несся по темному тоннелю. И как она могла так плохо думать о Терезе и Сюзанне, причем совсем недавно?

Они же ее единственные верные подруги — звонят каждый день и заставляют чувствовать себя важной и нужной. Ида точно знает — ради нее они готовы на всё: и учителю наврут, и от нападок защитят, и разделаются с любым, кто посмеет над ней издеваться.

Поезд опять резко затормозил. Теперь равновесие потеряла Сюзанна, повалив всех на пол, так что, когда двери открылись, подружки чуть ли не на четвереньках выползли на перрон, не прекращая хохотать.

— Как дела, девчонки? Проблемы?

Подошла компания парней, но они уже успели подняться и сбиться в группу.

— Не-а, а что, — задрали они подбородки, — у вас проблемы, что ли?

Парни переглянулись.

— Ты глянь, какие телки бóрзые!

Они бродили по городу, распевая во всё горло, пока Ида не напомнила, что если они хотят попасть внутрь, то пора действовать. Девушки остановились, достали карманные зеркальца и подкрасились, нахваливая друг дружку. Они строили из себя крутых и взрослых, пытаясь убедить самих себя, что пока еще не особо пьяные и всё прокатит как надо. Тереза еще раз проверила паспорт сестры — в бумажнике. В полной боевой готовности они выплыли из своего укрытия и, почти не шатаясь, прошли последний отрезок пути.

У двери уже выстроилась очередь. Вот отстой. Пришлось встать в самый хвост. Иде казалось, на них с презрением смотрит вся очередь, недоумевающая, какого чёрта тут делают эти мелкие. Впрочем, хрен их знает. Она знала, что, если захочет, вполне сойдет за восемнадцатилетнюю, а у Терезы с собой паспорт сестры. Ну а Сюзанну пустят вместе с ними. Всё зависит от охранников.

Она оценивающе посмотрела на двух амбалов у двери. Выглядели они довольно неприступно. Усталые, взгляд холодный, движения отлажены, каждый жест и фраза доведены до автоматизма. Еще бы, одно и то же каждый вечер: открывай и закрывай дверь, говоря: «Привет и добро пожаловать, пока, хорошего вечера, у тебя есть паспорт? А вот с тебя уже хватит, иди-ка лучше домой, все на пару шагов назад, иначе никого не впустим». Бедняги.

К двери подошла компания из четырех человек. Охранник улыбнулся, и двери настежь распахнулись. Ида что — дура, еще жалеть их?

Тереза с Сюзанной уставились перед собой. Охранник вновь и вновь улыбался, пуская кого-то без очереди. Кажется, они сто лет простояли, пока очередь не дошла до пары перед ними. Ну наконец-то!

Ида быстро расстегнула куртку и выпятила грудь перед Амбалом-номер-один. Ему ничего не оставалось, как посмотреть на нее — быстро, но с заметным интересом. Прекрасно выучившие свои роли Тереза с Сюзанной встали поближе к Иде и равнодушно поглядывали по сторонам. Ида тряхнула волосами и кокетливо улыбнулась Амбалу-номер-два, но потом опять переключилась на первого. Тот пристально рассматривал ее с головы до ног.

— Что-то не так?

Тот едва заметно улыбнулся.

— Да нет, всё в порядке.

Есть! Он было отворил дверь, чтобы впустить Иду, но тут же замер и придирчиво посмотрел на Терезу и Сюзанну. Сюзанна съежилась и задрожала.

— Ну, мы вообще-то с ней, — она показала на Иду. Но охранника это не разжалобило.

— У вас есть паспорта?

Тереза торопливо вытащила паспорт сестры, охранник взгляделся в фотографию и перевел глаза на Терезу. Тут

вмешалась Ида. Посмотрев на охранника взглядом, который — Ида точно знала — сработает, она легонько приоткрылась к его руке.

— Я за ними присмотрю. Обещаю, — и она улыбнулась.

Поддаваться на уговоры охраннику не хотелось, однако он уступил и тоже нехотя улыбнулся. Сюзанна дрожала, а Тереза испуганно сжала губы.

Охранник кивнул. Ида победила.

— Ладно. В первый и последний раз.

Ида льстиво улыбнулась ему. Пускай видит, как она ему благодарна.

— Чудесно, — воскликнула она, — конечно, огромное спасибо!

///

Он подошел к двери за несколько минут до остановки. Ему не хотелось задерживаться здесь ни на секунду. Впрочем, он, похоже, сегодня их не интересовал. Его односложные реплики им скоро надоели, и вместо этого они стали обсуждать, в какое кино пойти и какой из трех боевиков лучше. И всё же расслабиться не получалось. Сандор по собственному опыту знал, что Бабак способен на что угодно, прямо как какой-нибудь псих из ужастика.

Автобус затормозил, и двери открылись. Услышав спасительный шум города, Сандор сбежал по ступенькам вниз. Бабак и Валле тотчас же пристроились сзади.

— Смотри не перетрудишься сегодня!

— Да, столько тренироваться — это опасно бывает, ты знаешь?

— Давай, адреналин поэкономь!

Они двинулись прочь, пихая друг друга в бок.

Сандор сел в трамвай. Тут он такой же, как все, ничем не отличается. И никому нет до него никакого дела. Просто

рай. Он вышел на своей остановке, прошагал еще пару кварталов и наконец распахнул двери и вдохнул. Запах пота и еще чего-то непонятного.

Тут всё будто вымерло. На это он и надеялся. Сандор пошел в раздевалку. Если хочешь побыть наедине с собой, надо поторапливаться. Переодевшись, он забежал в один из залов, направился прямо к магнитофону, выбрал кассету и включил. Зал наполнила музыка. Сандор выпрямился и вскинул подбородок.

///

На танцполе было почти пусто, но Иду это не волновало. Ей и не хотелось танцевать с кем-то, топтаться с каким-нибудь парнем с тупой улыбкой, которому вдруг стукнет в голову обнять ее и полапать. Словно это не танец, а брачные игры какие-то. Иде не хотелось ни играть в такие игры, ни улыбаться кому-то, ни даже смотреть на других. Только закрыть глаза и представлять себе образы, порождаемые музыкой.

Поэтому она танцевала одна, позволяя рукам, ногам, ягодицам и голове пробудиться к жизни. Волосы разметались, хлестали по лицу, размазывая косметику, но Иде было плевать. Ее тело жило, она жила.

///

Сандор был в зале один. С прошлого раза прошло два дня, целая вечность. Как он это вынес? Столько часов без единственного, благодаря чему он ощущал себя живым?

Он танцевал, забывая о Бабаке и Валле, о скованности в том дурацком автобусе. Мягко, медленно и робко танцевал он под аккомпанемент печальных смычков, а потом стремительно, яростно и зло — под грохочущие барабаны: придурки тупые! Ненавижу вас! Ясно?! Вам меня не достать, я на вас класть хотел!

А потом придурки исчезли вместе со злостью. Остались только он и его тело. И то, что внутри. Это ведь счастье, да?

Дверь распахнулась, и в зал, нарушив уединение Сандора, вошел Хеннинг. Сандор вернулся в реальный мир. Стараясь забыть о том, что за ним наблюдают, он потанцевал еще немного. Музыка стихла. Лицо Хеннинга, прежде серьезное, расплылось в улыбке.

— Красиво! — Он расстроено вздохнул. — Гран жете у тебя лучше, чем у меня, не поспоришь. Ладно, тоже позанимаюсь.

///

Когда танец стал чересчур быстрым, Иду затошнило. Она попыталась не обращать внимания на тошноту, сделать вид, будто ее нет, как бывает, когда ночью приспишит в туалет, а хочется спать и ты уговариваешь себя, что ничего тебе не хочется. Но дурнота давила всё сильнее. Пока не стала невыносимой.

Она бросилась прочь с танцплощадки и распахнула дверь туалета. Еще чуть-чуть, и...

Внутри было полно девушек, очередь перед каждой кабинкой. Она огляделась вокруг, стараясь привлечь к себе внимание.

— Простите, но мне что-то...

Не закончив, она зажала ладонью рот, не в силах больше сдерживаться. Тут же сообразив, что к чему, остальные отскочили в сторону.

— Черт, ее сейчас вырвет!!!

И ее вырвало, прямо на пол.

///

Он наблюдал за домом со стороны. Тут никто его не заметит. Несколько деревьев отбрасывали на улицу длинные густые тени, напрочь заслоняя фонари. Он прокрался

вдоль рощицы и двинулся вдоль таунхаусов. В комнате Тоббе горел свет. Что он делает? Собирает из «Лего» гигантскую космическую станцию? Смешивает соляную кислоту с лимонным соком? Или читает очередную толстенную книгу про викингов? Сандор медленно приближался к воротам с надписью на почтовом ящике: «Фаркас». Игнорируя калитку, пролез между двумя колючими кустиками. Предполагалось, что к лету они станут пышными и ветвистыми и отделят их двор от улицы и соседей, однако росли эти кусты так же медленно, как и Сандор. Он осторожно прокрался по двору, пригнулся, проходя мимо окна кухни, наконец поднялся на крыльцо и три раза глубоко вздохнул. Осторожно надавив на ручку, Сандор беззвучно открыл дверь. На этот раз должно получиться!

Прямо на пороге он замер — перед ним стояла она, с едва заметной улыбкой на губах. Непостижимо. Она что, всё это время, пока его не было, дожидалась его здесь? Как ей это удастся? Может, телепатия? Дар предвидения? Психическое отклонение? Ее глаза блестели.

— Привет, дружок. Как всё прошло? Хорошо? Довел до ума свои кабриоли?

— Я работаю над ними.

Такого ответа маме было недостаточно. Нетерпеливо, словно беседуя сама с собой, она заговорила:

— Давай-ка подумаем. Сиссон уверт у станка, а затем переход в арабеск или гран паса дева? Потом ты делаешь тан леве на опорной ноге или как? Потом рывок к свободной ноге, икры... — для наглядности она хлопнула, — ...и опускаешься в деми плие...

Он закрыл дверь и принялся расшнуровывать ботинки.

— ...а потом ты поднимаешь ногу и под конец завершаешь ассамбле или па де буре. Разве не так?

— Так.

Она испытующе посмотрела на него.

— А тебе вообще помогают, когда нужно? Это ведь одно из самых сложных...

— Помогают...

— Паулина должна понимать, что от тебя тоже надо много требовать, пусть даже ты и лучший в гру...

— Я не лучший.

— Поговорить мне с ней, Сандор? Она должна видеть твои индивидуальные потребности...

— Не надо.

Он снял куртку и прошел мимо мамы на кухню. Мама, явно обеспокоенная, следовала за ним по пятам.

— Я своим ученикам всегда говорю: останавливаться на достигнутом нельзя. «Вы должны всё время стремиться к большему», — так я говорю, когда они думают, что умеют делать шаги. И я помню, мой учитель в Будапеште говорил то же самое.

Он открыл холодильник и, покосившись на маму, достал пакет молока. Мама стояла в дверях и озабоченно смотрела на него.

— Чтобы стать лучшим, надо этого желать на сто процентов.

Входная дверь хлопнула. Слава богу. Мама молниеносно бросилась в прихожую. Сандор быстро налил в стакан молока и проскочил мимо мамы, пока та сердито выговаривала Норе.

— Ты должна была вернуться в половине одиннадцатого.

— Ну да. Сейчас как раз тридцать пять минут.

— Тридцать пять минут — это не половина.

— Хватит нудеть.

— Я имею на это полное право. Я мать, и это моя обязанность.

Сандор заглянул в папин кабинет. На сосредоточенное лицо отца падал отсвет от монитора. На носу очки,

пальцы бегают по клавиатуре. Сандору вдруг захотелось открыть дверь, войти и сесть подле него. Сесть и почитать, что он пишет, просто чтобы знать. Или чтобы побыть рядом? Но тут папа взглянул на него, и Сандор, подавив свое желание, потихоньку прокрался наверх, к себе в комнату.

///

Центр Стокгольма, а на улицах всё равно пусто.

Только собачники. Иногда она воображала, что собака — это только прикрытие. Идеальное. Кто заподозрит насильника в хозяине собаки? Ну нет, это уже перебор: заводить собаку только ради того, чтобы выводить ее гулять и кого-то насиловать. И потом, за ней же еще ухаживать надо.

Когда мимо проходили одинокие мужчины, Ида, случилось, прикидывалась чокнутой. Может, конечно, некоторые психи и ненормальную изнасилуют, но таких вряд ли много. Поэтому она кривлялась и меняла походку, и всё ради того, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Но сегодня она была слишком усталая и пьяная, чтобы бояться. Добравшись до дома, она поднялась на лифте на пятый этаж и попыталась отпереть входную дверь. Не вышло. Дверь была не заперта. Ида вздохнула и вошла в темную прихожую.

Полная темнота, ни единой самой слабенькой лампочки. Сапоги в сторону, куртку на крючок. Ида остановилась у приоткрытой двери в мамину комнату: та дрыхла, умотанная, не думая о незапертой двери.

— Мама?

Ответа не последовало.

— Я уже дома.

Мама что-то пробурчала, повернулась на другой бок и опять замерла. Некоторое время Ида стояла и рассматривала ее. Бедная проклятая мама. Ида пошла к себе.

Тут всё еще висел сигаретный запах — перед клубом они нехило накурили. В груди вновь шевельнулась тошнота, напомнив Иде о том туалете. Она открыла окно и опустилась на постель. Почувствовав, что тошнота проходит, начала потихоньку укладываться. Блин, ну и вечер! Отстой...

Она угостила Терезу с Сюзанной пивом, оставив в клубе. Они ничего не поняли, когда она сказала, что ей надо домой. «Кого вырвало? Тебя?» Ей почудилось или Тереза и правда сказала это со злорадством? Из чувства долга они предложили проводить ее, но Ида-то видела, как они запали на стоявших рядом парней постарше. Симпатичными те не были, да и нагрузились порядочно, зато были старше, а это всегда чего-то стоит. Поэтому Ида сказала, что пойдет одна. Так даже лучше. Приятно просто сидеть здесь в тишине. Тут так тихо. И так одиноко. Чересчур тихо. И бесконечно одиноко.

Она включила радио, компьютер и написала:

Папа, привет! Давненько от тебя не было новостей. Как вы там? Как девчонки? Сесилия пошла? А Фанни всё так же балуется? А как ты? У тебя там много дел? Когда точно ты приедешь? И на сколько? Звонить ужасно дорого, знаю, но здорово было бы услышать твой голос. Целую и обнимаю. Ида.

Ида нажала на кнопку «Отправить», но осталась сидеть перед компьютером. Вставать и идти спать не хотелось. А позвонить некому.

Вот какой-то чат. Зайти?

///

В одной футболке и трусах он потихоньку прокрался вниз по лестнице. Мама с папой уже спали, а Нора и Арон сидели у себя по комнатам и слушали музыку. До Сандора

никому не было дела. Он приоткрыл дверь в папин кабинет. Там было тихо и темно. Сандор вошел в кабинет, включил компьютер и открыл чат. Быстро пробежался глазами по написанным другими строчкам. *Самое тупое — это когда шведы говорят с иммигрантским акцентом. Вы чего, стареаетесь своего языка, что ли? И Ты дебил или нарываешься? Кому вообще стукнет говорить как черномазый?* И так далее в том же духе. Бредятина полная. Он положил руки на клавиатуру.

///

Сама Ида никогда в чат не писала, зато читала часто. Ответить кому-нибудь ей еще ни разу не хотелось, но было прикольно поглядеть, как другие бурно обсуждают самые невообразимые вещи. Ида улеглась на кровать и немного пощелкала пультом. Потом выключила телевизор и опять села к компьютеру — что пишут? Там обсуждали, кто в новом сериале самый симпатичный, а кто урод, а еще кто-то обозвал другого дебиллом и спросил, не нарывается ли тот. Она уже собиралась выходить, но замерла.

***Сандор:** Я не могу заснуть. Пытался, но никак, и вот хочу поговорить с кем-нибудь нормальным, чтобы без приколов. Я бы позвонил кому-нибудь, но некому. Поэтому пишу сюда. Побывать одному, может, и бывает полезно, но не часто. Есть кто-нибудь, кому сейчас так же, как мне?*

Ида перечитала сообщение. Сандор. Надо же, такой же одинокий, как и она.

Она увидела, как под сообщением один за другим появляются ответы.

Давайте всякую хрень унылую тут разводить не будем, а?

Совет! Заведи себе телку!

Я вот чего думаю — телки постоянно шарятся в коротких юбках, а потом еще обижаются, что их шлюхами называют. Они чё, тупые совсем?

Ида вздохнула и вышла из чата.

///

Совет! Заведи себе телку!

Сандор выключил компьютер.

///

Вообще-то правильно, когда вся семья собирается за столом. Конечно, она видела, как выглядит настоящий завтрак, и по телевизору, и дома у Сюзанны: все сидят, мама то и дело вскакивает и мечется между холодильником, плитой и столом, папа уткнулся в газету и что-то рассеянно бормочет, когда к нему обращаются, а дети собачатся из-за того, кому достанутся последние хлопья. Кому всё это надо? Неужели кто-то мечтает оказаться на месте такой мамы или, того похуже, ребенка-скандалиста?

Ида включила MTV и теперь жевала хлеб с мармеладом, пританцовывая перед гардеробом и выбирая, что надеть в школу. Упрятала грудь в черный гелевый пуш-ап — так она казалась огромной. И порылась в шкафу. Не стала выдвигаться и надела обычную футболку и такую юбку, с которой отлично смотрелись высокие сапоги.

В телевизоре на фоне пустыни танцевали девушки в золотистых бикини. Ида уже собралась его выключить, но, переключив канал, наткнулась на фильм о природе и задержалась. Табун лошадей несся галопом по вересковой пустоши. Длинные гривы развевались на ветру, тела